

Непреклонные

ПОВЕСТЬ

После двух хмурых, ненастных дней утро выдалось на славу. Небо, чисто вымытое дождем, было прозрачно. Ярко светило солнце. Веяло необыкновенной свежестью. Точно покрытые лаком, блестели листья деревьев. На нежно-зеленом, бархатистом ковре травы бисером серебрились не успевшие еще высохнуть капли росы. От густых, пушистых кустов китайской акации пахло медом.

Я шел на службу по асфальтированной дорожке военного городка и, случайно бросив взгляд под ноги, увидел удивительную картину: гладкий, отполированный асфальт во многих местах оцетинился крохотными курганчиками, от которых во все стороны разбегались трещины. Из-под черных, растрескавшихся бугорков пробивались свежие клинышки молодой травы. Я потрогал их рукой. Неужели эти слабые травинки смогли пересилить твердую, почти каменную массу? Выходит, что смогли. Растения стремились к свету, солнцу, и природа взяла свое — они вырвались из неволи.

Глядя на бледные нежные стебельки травы, я вспомнил историю о побеге из плена двадцати пяти советских летчиков. Ее рассказал мне полковник в отставке Костин Геннадий Львович, человек уже не молодой, с седой головой, с сеткой морщин у глаз, несколько раз раненный, однако по-прежнему подвижный, общительный и по натуре добрый.

Мы сидели вечером в кухоньке его квартиры. Он говорил не торопясь, обстоятельно взвешивая каждое слово, как будто рассказывал не о тяжелых

страданиях, которые довелось пережить ему и его товарищам, а о простом, обычном эпизоде военных лет. Я, не перебивая, слушал его и записывал. Писал на ученических тетрадях в косую линейку: другой бумаги под рукой у нас не оказалось. Я намеревался потом эти записи обработать, расширить, приподнять.

Дважды принимался осуществить свой план, но не мог — рука не поднималась. Потому что рассказ Костина был взволнованным человеческим документом, выстраданным, пережитым, и всякая «доработка» могла бы только испортить еще одну великую правду о несгибаемой воле, стойкости и неподкупной верности Отечеству небольшой горстки советских людей в годы героической борьбы нашего народа за освобождение родной земли от фашистского нашествия.

Я сохранил эти тетради. В тот день, когда я увидел таранный прорыв молодой травки через толстый слой асфальтированной дороги, я достал их и вновь принялся за чтение.

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

Началась эта история 14 декабря 1943 года. Никогда не забуду этого дня. Двадцать с лишним лет прошло после войны, давно зарубцевались раны и у людей, и у страны, живем, дышим полной грудью, кажется, пора бы и «списать» в расход все горечи того тяжелого времени, ан нет. Как только начну срывать листок календаря с датой 14 декабря, дрогнет рука. И застынешь, задумаешься. И все, все, до мельчайших подробностей, встает перед глазами...

В то ясное зимнее утро нас — меня, тогда молодого лейтенанта, штурмана звена, и моего командира экипажа Гришу Павлова, тоже молодого летчика — вызвали з штаб полка. «Вот здесь,— показывая на карте, сказал начальник оперативного отдела дивизии,— по данным разведки штаба армии, вчера к исходу дня находилась немецкая танковая колонна. Она двигалась к линии фронта. Цель ее — бронированным кулаком прорвать оборону наших войск на этом участке. За ночь она, очевидно, продвинулась до этого рубежа. Но где сейчас, точно мы не знаем. Ваша задача: найти колонну, передать о ее местонахождении по радио...»

Мы сели на «ИЛ-2». Я занял кабину стрелка-радиста. Проверил крупнокалиберный пулемет. Положил на колени планшет.

Взлетели. Взяли курс на запад. Вскоре пересекли линию фронта. И тут как на грех «кучевка»: по небу низко плыли рваные облака. Под ними идти — все, кому не лень, будут бить по нас и из автоматов, и из пулеметов, и из зениток. Выше — ничего не увидишь на земле, колонну не найдешь.

И все-таки решили лететь под облаками. Побольше скорость держать, угол перемещения будет велик, прицельный огонь смазан. Да и вроде бы крыша над головой. Какое ни есть прикрытие сверху от внезапного нападения истребителей с высоты. В случае чего и нырнуть з облака можно. Поднял нос самолета — и там.

Вышли в заданный район. Начали поиск. Меняем курсы. Шарим по дорогам. Нет танковой колонны! Слово сквозь землю провалилась.

Надо сказать, что к тому времени с немцев уже основательно сбили спесь. Наша армия гнали их на запад. И они, подтягивая резервы к линии фронта, тщательно замаскировали передвижение своих войск. Не лезли нагло, как было это в первые годы войны.

Недалеко от шоссе заметили большой массив леса. Мелькнула мысль:

«Не здесь ли спрятались «коробочки»?» И только мы появились над зеленым пятном, как вдруг из него полетели к нашему самолету огненные шнуры. Рядом вспыхнули белесые шапки разрывов. Сильный удар потряс нашу машину. От хвоста в разные стороны брызнули куски металла. Слышу в наушниках тревожный голос Павлова:

— Заклинило руль поворота.

Кричу Грише:

— Разворачивайся «блинчиком» на восток.

В эту минуту из-за облака вынырнули четыре «фокке-вульфы». Все ясно: в лесу танковая колонна—с земли охраняется зенитками, с воздуха — прикрыта патрулем истребителей.

Только успел я передать по радио в штаб координаты найденной цели, как увидел, перед собой широкие, тупые носы двух «фоккеров». Схватился за рукоятки пулемета, повернул турель прямо на диск вращающегося воздушного винта неприятельского самолета и нажал на гашетку.

До сих пор помню отчетливо, как будто это было только вчера: нехотя, неуклюже повалился фашистский истребитель на крыло, задымил — и камнем к земле. Я аж крикнул от радости: «На, получай, стервятник проклятый!»

Был я тогда горяч, азартен. В тот момент не испытал ни страха, ни замиранья, хотя и смерть смотрела прямо в глаза. Другой-то истребитель держал наш самолет на прицеле, да еще два сзади летели.

Не прошло и секунды — прямо в глаза кинжал огня, на правой руке — ожог. Чувствую: падает наш самолет. Потом — удар. И померк в глазах белый свет, наступила мертвая тишина...

— Ну, а дальше что?

— Дальше... Слово сквозь сон, услышал я чей-то голос. Попытался открыть глаза. Странная тяжесть лежала на лбу, бровях, давила на веки. Я провел правой рукой по лицу, стараясь сбросить этот ненужный груз. Движения вызвали шум в голове, звон в ушах. Перед глазами поплыли радужные круги.

И я снова стал падать вниз, в темное, холодное пространство.

Уже потом хлопцы сказали мне, что я в беспмятстве пролежал целый день и очнулся только к вечеру.

Открыл глаза, вижу задымленный потолок, обвалившуюся штукатурку на стене, решетки на окнах и людей — черных, обросших, в рваных авиационных комбинезонах и лохматых унтах. Первая мысль: «Где я нахожусь?.. Что это за летчики? Почему они так опустились, не моются и не бреются? Почему в рваном обмундировании?..»

Взгляд остановился на белой кудрявой голове. Стуля спину, человек сидел на разбитом ящике и смотрел в пол. «Да ведь это Гриша Павлов». Зову.

— Командир... Командир!

Павлов поднял голову. Лицо — в кровоподтеках, в глазах — страшное, непоправимое горе.

— Гриша, что с тобой?

— Со мной, Геннадий, то же, что и с тобой... В плену мы.

Признаюсь, впервые в жизни я испытал, что такое настоящий ужас. Чувствую, от затылка вниз медленно-медленно ползут холодные мурашки. На голове волосы поднимаются дыбом. К горлу подступил сухой ком и перехватил дыхание. И тело как будто не мое: ни пошевелить, ни вымолвить слова. Еле протолкнул ком в горле:

— Как в плену? Почему в плену?

— Нас сбили...

Подкосилась моя левая рука, не выдержала вдруг свалившейся тяжести. Я уткнулся лицом в солому, на которой лежал, и подобно рыбе, выброшенной на берег, стал хватать ртом воздух.

Лежал долго, а мозг отчаянно, противно, до боли сверлила мысль: «Сбили. Почему сбили? При каких обстоятельствах? Когда?» Пытался вспомнить, восстановить в памяти последние минуты полета и не мог. И уже потом, медленно, отдельными отрывками пришло ко мне и то, как вылетели на разведку и как искали

танковую колонну, и как полоснул я очередью по «фоккеру». И, что удивительно, заныла правая рука, а до этого боли не чувствовал.

Я повернулся на спину, осторожно положил руку на грудь, стал ощупывать. Кости как будто целы. Нашел рваную дыру на рукаве комбинезона и запекшиеся сгустки крови. «Наверное, осколком в ткань плеча. Ерунда, заживет». И как только так подумал — боль начала утихать. И опять ужасный вихрь мыслей закружился в голове: «Плен!.. Попытки!.. Смерть!..»

Рывком поднялся на локоть. Закричал на Павлова с ненавистью:

— А почему нас живыми взяли в плен? Почему ты, невредимый, не застрелил меня и себя? Почему?

Чей-то голос из-за спины:

— Чего орешь?.. Тебя и его без сознания приволокли сюда немцы. Контузия!.. Не видишь разве, какое лицо у твоего командира? Головой долбанулся о приборную доску при ударе самолета о землю.

Эти слова осадили меня. Я лег, уставил глаза в потолок. Почему-то в моем воображении возникли широкие деревенские просторы, родной дом. Вот я, мальчишка, в синей ситцевой рубашке, с шапкой светлых нечесаных волос на голове, играю с ребятишками на зеленой лужайке. Вот с удочкой сижу на берегу нашей речки, не спускаю глаз с поплавок. Кругом тишина. Солнышко греет спину. На небе ни облачка. Пахнет черемухой и еще чем-то терпким и сладким. Потом вспомнились — военное училище, полеты, выпускной вечер, авиационный полк, боевые товарищи. Особенно ясно, до боли в сердце, предстала передо мною мать, милая моя мама, отец, братья, сестры, близкие и знакомые. «Неужели всему этому теперь конец?» — подумал я. Рука невольно потянулась к левому карману. Пуст. Неведомая сила, подняла меня с соломы. Спрашиваю у Павлова:

— Где документы?

— Немцы взяли...

А через час меня повели на допрос. Два солдата втолкнули в про-

сторную, светлую и теплую комнату. За столом сидел элегантно одетый, чисто выбритый, с высоким; лбом и тщательно зачесанными назад жидкими волосами офицер. Это был следователь капитан Врубель.

— Костин?

— Да.

— Коммунист?

— Да.

— Это ваш партийный билет? — указал он на красную книжечку, лежащую перед ним на столе.

— Мой.

— О, вы не в пример другим разговорчивы. Это хороший признак. Благоразумие отличает настоящего человека от скотины... Итак, начнем... Где стоит ваш авиационный полк?

— Там, где ему положено стоять.

Врубель уставил на меня свои оловянные глаза.

— Вы отказываетесь отвечать?

— Я сказал все.

— Мы заставим вас говорить!

Врубель, не торопясь, взял с подоконника резиновый, длиною в метр, водопроводный шланг и, так же, не торопясь, подойдя ко мне, с размаху ударил им по моей голове.

— На колени, скотина! — крикнул он.

Я покачнулся, но устоял на ногах.

— На колени!

Удары последовали один за другим. Размеренно, методично. Будто молотом били по голове. Искры сыпались из глаз. Влево, вправо начала раскачиваться комната. И чтобы не упасть, я шире расставил ноги, прикрылся здоровой рукой, стиснул зубы. «Врешь, не поддамся я тебе, собака», — только и жило в моей душе в этот момент. Последнее, что я помню, — это пол. Он вздыбился, полетел прямо на меня...

Чувствую, кто-то положил на лоб мокрую, холодную тряпку. Лица коснулась теплая волна воздуха. Простуженный голос с горечью произнес:

— Врубеля работа. На голове

живого места нет.

— Значит, не сумел поставить на колени, — послышался второй голос издалека.

Я открыл глаза. Возле меня на нарах сидел страшно худой, оборванный человек. Вначале показалось — старик. Морщинистая землистого цвета кожа лица. Ввалившиеся щеки. Сгорбленная спина. Но почему на верхней губе только-только пробивалась жиденькая полоска усов? А глаза живые, ясные, голубые, как чистое небо. Нет, этот человек совсем еще мальчишка. Он-то и прикладывал к моему лбу мокрую тряпку. Паренек наклонился:

— Ну, что, браток, ожил?

С трудом поднял отяжелевшее тело, огляделся. Нахожусь в той же казарме, откуда увели на допрос. Те же люди. Ищу глазами Гришу Павлова и не нахожу. Спрашиваю: где мой командир? Молчат. Спрашиваю еще раз, уже настойчивее. Опять молчат. Кое-кто отвернулся, делает вид, что занят своим делом. Только у одного, широкоплечего, среднего роста, с волевым лицом летчика я прочитал в глазах откровенное раздражение, как будто он хотел сказать: «Не дери горло. Не знаешь, куда деваются здесь люди?» Этот летчик кивнул головой пареньку, что сидел рядом со мной:

— Ваня, объясни.

И Ваня объяснил.

— Павлов не вернулся с допроса...

Я так и обмяк. Сердце сжалось в комок. На глазах навернулись слезы...

Я почувствовал всем своим существом, что у меня отобрали единственную частицу родного полка. Меня охватило горькое одиночество.

Я понимал, что люди в этой казарме тоже авиаторы, и дружба, взаимная выручка у них в крови. Но меня беспокоило другое: почему они на меня смотрят с подозрением? Не доверяют? Или уже обожглись, приняли провокатора за своего и теперь осторожничают? Или, попав в беду, кто куда, лишь бы свою шкуру спасти?

Только один из них, этот паренек,

как птенец, вился около меня, тянулся ко мне. Я спросил его:

— Ты кто?

— Я Ваня Кайдаш.

— Звание?

— Младший лейтенант.

— Специальность?

— Летчик. Сбили в первом бою.

И, улыбнувшись светлой, почти детской улыбкой, сказал:

— Да ты не ершись. Здесь все свои. И не паникуй... Ничего. Мы еще повоюем.

Вроде бы упрек мне бросил. И кто? Заморенная птаха. Ее немцы бьют, пытаются, одни косточки да глаза остались, а она бодрa, весела, вдобавок еще надеется воевать. А я после первого же серьезного испытания скис. Поверьте, мне стыдно стало за свою слабость...

В общем, мало-помалу я познакомился с Ваней Кайдашом. Ночью, лежа рядом, он доверительно рассказал мне, что авиаторов в казарме двадцать пять, что казарма в лагере военнопленных огорожена проволокой — «тюрьма в тюрьме», полностью изолирована от остального мира. Кормят здесь один раз в сутки — котелок баланды на человека. Медицинской помощи никакой. Немцы обрекли летчиков на болезни, холод и голодную смерть.

— Неужели нельзя вырваться из этого ада? — спросил я.

Спросить-то спросил, а у самого сердце похолодело. Как я мог неосторожно высказать заветную мечту? А вдруг этот обходительный паренек подослан Врубелем, чтобы втереться в доверие ко мне и выпытать то, чего не мог добиться следователь с помощью резинового шланга? И уже мерещиться стало мне, что вся ласковость его, забота обо мне нарочиты, поддельны.

— Вырваться пока нельзя, — ответил Кайдаш. И как мне показалось, лукаво, с каким-то тайным намеком добавил: — Но невозможного ничего нет.

Помолчал, а потом поднялся на локоть, попросил рассказать о делах на фронте. Думаю: расскажу то, что передают в сводках Информбюро. Радио-

то немцы слушают. Тайны тут никакой нет. И поведал коротко о том, как наступает Советская Армия, гонит врага на запад, как бьются наши летчики в воздушных сражениях.

Слышу, один пленный подсел в темноте ко мне, второй, третий. Поднялась вся казарма. Слушают затаив дыхание. Посыпались вопросы, уточнения. Начали спрашивать про известных на весь фронт летчиков. Живы ли они? Как воюют?

Особенно долго и настойчиво выспрашивал тот широкоплечий, в синем потертом комбинезоне, что сказал Кайдашу: «Ваня, объясни ему, где Павлов». Он хотел точно знать, где проходит линия фронта, какие города и села освобождены, в каком направлении следует ожидать в ближайшее время наступления советских войск. То, что не составляло военной тайны, я рассказал.

Летчик в синем комбинезоне поблагодарил меня, крепко пожал мне руку и ушел. И остальные разошлись по своим местам, легли, вполголоса переговариваясь друг с другом.

Я спросил у Вани Кайдаша, что это за человек в синем.

— Старший лейтенант Николай Копьев. Командир нашей здешней эскадрильи.

— Какой здешней?

— Самой обыкновенной. У нас здесь создана эскадрилья. Он командир, а я старшина.

Я подумал: «Создавать эскадрилью? Выбирать командира и старшину, играть в начальников и подчиненных в условиях фашистского плена? Затея по меньшей мере по-детски наивная». Но я все-таки спросил: «Зачем нужна эскадрилья, для какой цели?» И вот что Кайдаш ответил:

— Без нее нельзя. Без нее мы бы подошли. А может быть, кое-кто и не выдержал, стал перед Врубелем на колени.

Вдруг Ваня Кайдаш замолчал. Оказывается, к нам подошел Николай Копьев.

— Вот что, Геннадий Львович,

скрывать от тебя нечего: ты свой человек,— сказал он.— О тебе многое рассказал Павлов, и я вижу твою душу насквозь. У нас тут создана эскадрилья. Конечная цель ее деятельности — побег. Этим мы живем. В неволе невозможно не думать о побеге, как невозможно жить не дыша воздухом. Так вот, давайте соображать вместе над тем, как вырваться из плена всем, вывести всю эскадрилью к своим и снова стать в строй. Ты хорошо знаешь Украину, прекрасно ориентируешься в обстановке. Будь моим первым помощником. Начальником штаба эскадрильи.

— Что, бумага кончилась?.. На вот следующую тетрадь.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Мысль о побеге не давала мне покоя. С нею я ложился спать, с нею вставал утром. Я понимал — бежать сейчас невозможно. Советских летчиков не выпускали не только на прогулку, но даже в уборную. В углу стояла параша, которую разрешали выносить один раз в день двум авиаторам под конвоем двух эсэсовцев. Прав Николай Копьев: единственно подходящим моментом для побега мог быть только перевод военнопленных в другой лагерь. И надо было терпеливо ждать этого. Но ждать — не значит сидеть сложа руки. Необходимо разрабатывать план. С таким предложением я и обратился к Копьеву.

— Рано,— ответил он.— Сейчас не это главное. Главное — подготовить людей духовно и физически, заставить их поверить в освобождение, улучшить дисциплину и организованность. План побега подскажет обстановка. Ты вот лучше дай указание старшине, пусть он организует починку обмундирования и обуви.

Признаться, мне не понравилось объяснение командира эскадрильи. Конечно, и обмундирование следовало чинить, и укреплять дисциплину. Но нельзя было пренебрегать и планом. Зачем брать ставку на стихийность, на то, что покажет обстановка? Ведь, готовясь к

полету, мы тоже не знали, что может произойти в воздухе, а однако же проигрывали все возможные варианты ситуаций, которые могут сложиться в небе, в бою. Причем проигрывали до мельчайших подробностей. Готовили себя к неожиданным поворотам. И одерживали победы в воздухе, меньше несли потери. Зачем же пренебрегать нашим авиационным опытом? К тому же, я видел, как люди здесь изнывали в неволе, рвались на свободу, толковали между собою о деталях побега. А Копьев своим молчанием сдерживал их. Однажды разыгралась такая сцена. Был среди нас штурман Незнамов. У него была большая семья. Он часто вспоминал жену, трех дочерей, мать и отца, которые жили в Уфе. Утром поднялся с постели с воспаленными глазами и к Копьеву:

— Когда же?

— Потерпи, Сергей Иванович. Видишь, какая обстановка.

— Я убегу. Вот настанет мой черед выносить парашу, собью с ног охранников и убегу.

— Тебя застрелят.

— Погибать, так в борьбе, а не на коленях!

Копьев сердито начал упрекать Незнамова в том, что он нарушает дисциплину. А Незнамов на него:

— Плевать на твою дисциплину. Плохая та дисциплина, если она держит человека в неволе. Для чего мы создали здесь эскадрилью? Не ради того, чтобы гнить здесь заживо. А она, эта твоя дисциплина, оборачивается против нас же. Сам не бежит и других не пускает.

Понимаете, какое дело получилось? Вроде бы и не следовало обращать внимания на слова Незнамова, нервного, несдержанного человека, а вот, поди же ты, летчики уже косо стали посматривать на своего командира. Вечером, лежа на нарах, я прислушивался к тихому, вкрадчивому разговору двух пленных.

— Помнишь, Ваня Кайдаш выносил парашу и нашел в мусорной яме ржавые кусачки, спрятал в унт и принес в казарму? Как радовался парень случайной находке! Так он отобрал у

Вани кусачки, бросил в парашу и сам потом вынес ее. А ведь кусачки — вещь незаменимая. Перекусывает колючую проволоку не хуже ножниц.

Что кусачки! Я достал кусок обруча от кадушки и то он отобрал у меня.

— Да что там говорить. Деспот. И я подозреваю...

— Тихо...

Очевидно, заметив, что я навести уши в их сторону, они смолкли. Я понял, что он — это Копьев. О нем говорили. Симптом неважный. Надо было потолковать с нашим командиром начистоту. И такой разговор состоялся на следующий день.

Подсев к нему на нары, я рассказал о настроении людей. Он выслушал не перебивая. И ответил так:

— Не могу понять одного, как до людей не доходит, что в таком деле нельзя пороть горячку, руководствоваться эмоциями. Вроде бы тертые, битые, тесаные — испытали такое, что не всякий выдержит, нет, давай им немедленный побег! Ни с чем не считаются! Ни с временем! Ни с местом! Ни с условиями! Ни с возможностями! Один приволок ржавые кусачки, другой — железку, третий — обрывок проволоки. Что ими сделаешь? Это равносильно тому, что закрывать овчинкой солнце. А бед от них сколько? При очередном обыске найдут эти ржавые железки — вот тебе и расстрел... На дисциплину обижаются? Да без дисциплины и организованности вообще нельзя жить. А здесь, в плену, тем более. Будет дисциплина — убежим все. Не будет ее — перестреляют по одному, как куропаток, или замучают, заморят голодом...

Копьев помолчал немного и перевел разговор на другую тему. Он опять начал расспрашивать меня о расположении советских войск на фронте, заставил нарисовать примерную схему на досках нар, допытывался, куда, по моему предположению, сейчас продвинулись войска. Вижу: думает парень о плане побега. И крепко.

Напрасно я и другие подозревали его в бездеятельности.

Ночью разбудил меня Ваня Кайдаш и говорит:

— Геннадий Львович, прислушайтесь-ка.

Замер. Тишина кругом. Ничего не слышу.

— А вы припадите ухом к доскам нар.

Припал. Какой-то отдаленный гул из-под земли доходит.

— Это наши пушки бьют! Фронт приближается! Понял?— радостно воскликнул он и кубарем скатился с нар, кинулся к Николаю Копьеву, поднял на ноги всю казарму. Сбились в кучу мы, как овечки, и не дышим, ловим не только ушами, а всем существом своим еле-еле доносящийся до нас глухой, отдаленный звук. Некоторые даже легли на пол. И чудилось нам, что с каждой минутой эти звуки-вздохи все ближе и ближе.

Николай Копьев сказал, как бы отдал приказ:

— Готовьтесь к «перебазированию», а сейчас спать!

Но какое там спать. Разве уснешь? Наши наступают! Фронт приближается! Так и не сомкнули мы глаз до рассвета.

Видим, забеспокоилась наша охрана. У дверей неотступно стоят часовые. Баланду принесли с опозданием. Не дали вынести парашу. А ночью девятого января — я хорошо запомнил эту дату — девятого января 1944 года загремел замок, со скрипом отодвинулись засовы, в казарму ворвался холод. На пороге появился эсэсовец с электрическим фонариком и приказал подниматься, выходить на улицу и строиться.

И вот, представьте себе: колонна пленных в восемьсот человек вытянулась по узкой и грязной дороге. Впереди, освещая фарами путь, бронетранспортер. По бокам — конвой. «Эскадрилью» фашистские автоматчики охватили плотным кольцом. Вот тебе и обстановка. Попробуй соверши побег, да еще организованный.

Я шел рядом с Копьевым и с го-

речью думал: «Эх, товарищ командир, на что ты надеялся». Николай как будто прочитал мои мысли, шепнул мне:

— Голову не вешай, надежды не теряй. Определяй — куда ведут.

А как определишь? Темнота. По звездам можно было бы сориентироваться, но небо закрыто облачностью. Вот-вот пойдет снег. Знал я только одно — лагерь наш располагался в районе Умани, помнил на память название всех деревушек, и это потом выручило.

Примерно через час показались огоньки какого-то селения. Подошли к первому ряду хат. Проезжающий мимо бронетранспортер осветил фарами столб, стоящий у дороги, и я успел прочитать на дощечке название хутора. От Умани дороги расходятся в разные стороны. По названию хутора я точно определил, что гонят нас на юг. Об этом и сказал Копьеву, Николай кивнул головой. Спросил, далеко ли железная дорога. Я ответил, что точно определить не могу, но знаю, что дорога эта ведет на станцию Вапнярка.

Пошел снег. Видимость снизилась до предела. Конвой забеспокоился. Послышались команды. Колонна пленных остановилась. Нашу «эскадрилью» быстро отделили от колонны, повели в сторону. Видим: длинное приземистое кирпичное здание. Широкие двери. Что же это такое? Свет фонарика конвоира осветил лошадей. Они стояли здесь вдоль стены внутри помещения. Конюшня! Конюшня местной комендатуры.

Нас загнали туда. Захлопнулась дверь, щелкнул замок. Пахло сеном, навозом. После холодного, пронзительного ветра со снегом здесь было сравнительно тепло и тихо.

— Прекрасная «гостиница»! — весело сказал Ваня Кайдаш. — С комфортом, с ароматными запахами. Все-таки эсэсовцы здорово «заботятся» о нас. Перины какие! — щупая сено, острил старшина эскадрильи.

Николай Копьев отдал приказ:

— Спать! Сохранять силы. Пре-

дупреждаю: никаких попыток к побегу...

Мы залезли в сено. Плотно прижимаясь друг к другу, старались согреться. Длительное пребывание в казарме лагеря, в спертom воздухе, в неподвижности, потом сразу бросок по раскисшей, грязной дороге на холодном ветру сделали свое дело — гудели ноги, тело охватила тяжелая усталость, глаза слепил сон.

На рассвете я проснулся от скрипа дверей. Высунул голову из сена, вижу: солдаты из немецкой комендатуры выводят лошадей на водопой. И еще я заметил, что вдоль стены ползет какая-то тень. И когда лошади скучились в дверях, человеческая тень юркнула в середину их и исчезла. Я подумал, что все это мне померещилось, что это галлюцинация, плод моего воображения. Я снова спрятался в сено, заснул.

А утром не оказалось Незнамова. Немцы выстроили нас перед конюшней. Офицер в очках, широко расставив ноги и положив руки на бедра, объявил приказ начальника конвоя:

— Если через час не будет найден Незнамов, все летчики будут расстреляны.

Быть может, и прекратила бы свое существование наша «эскадрилья» в тылу врага у стен этой конюшни, если бы через сорок минут конвойные не привели беглеца, подталкивая его сзади прикладами. Его нашли в стоге сена. Незнамова поставили перед колонной пленных. Начальник, не торопясь, расстегнул кобуру, вытащил пистолет и, почти не целясь, в упор выстрелил в авиатора...

Незнамов погиб. И из-за чего? Из-за того, что стал на путь авантюризма, изменил нашему войсковому товариществу, спайке нашей, дружбе, дисциплине нашей. У нас потом на эту тему был разговор. Нашелся среди нас еще один человек, который оправдывал Незнамова. Дескать, разве, история не знает примеров, когда совершали побег из плена, из тюрем по одному? А если подвернулся удобный случай убежать?.. Что же, всем идти на смерть, гурьбой,

дисциплинированно?

Правильно, убегали и по одному. Но надо же учитывать время, место, обстановку. Если нет крепкой боевой организованности, если остальные трусят бежать, надеются на какое-то чудо спасения и если подвернулся подходящий случай,— беги. Но Незнамов кинулся очертя голову. Даже момент выбрал не совсем удачный. Наступал день. Далеко все равно он бы не запел. Овчарки выследили бы его. Даже при условии, если бы не выследили, двадцать его товарищей полегли бы у стен конюшни.

Худые, обросшие, грязные и оборванные, еле передвигая ноги, шли мы через хутора и поселки. Местные жители безмолвно, с горечью и слезами па глазах смотрели на нас, но чем они, безоружные, могли помочь нам? Только хлебом. И бросали они в колонну калачи, буханки, куски караваев. Кто успел схватить, тот и съел. Остальные слюнки глотали. В нашей же эскадрилье было по-другому. Все, что попадалось к нам в руки, передавалось Ване Кайдашу. Он складывал в мешок. А потом на привале делился хлеб поровну.

На станцию Вапнярка колонну пригнали под вечер. На рельсах стоял пустой эшелон. Подумалось: наверное, это для нас. И точно, пленных начали грузить в вагоны. К нашей группе подбежал офицер, построил нас в шеренгу по одному и приказал раздеться. И тут Ваня Кайдаш опять воскликнул:

— О, новая забота! Оцените, братцы, сердечную нежность наших телохранителей.

Раздели до нижнего белья. Стоим мы на холоде, скрючились в три погибели, трясемся. А ефрейтор и два солдата из железнодорожной охраны, подходя к каждому, нарочито медленно вывертывают карманы наших брюк, гимнастерок, комбинезонов, прощупывают каждую складку обмундирования. Копьев шепнул мне: «Не дай бог найдут у кого-нибудь железаку». Но никаких металлических предметов немцы не обнаружили. Нас

заставили одеться. Ефрейтор вытащил из мешка пять буханок черного хлеба и сунул первому попавшемуся летчику:

— На всех... Грузиться! Живо! И вот мы в вагоне. Когда шаги фашистских солдат утихли, Копьев собрал нас всех в кучу и почти шепотом:

— Обследовать вагон! Каждую доску попробовать! Не шатается ли? Нельзя ли ее вынуть и потом разобрать стенку? Обследовать пол, крышу, люки. Все делать без шума.

Двадцать пять пар рук начали в полумраке ощупывать доски стен, нажимать на них, расшатывать. Несколькo человек забрались на верхние нары и упираясь спинами в крышу, испытывали ее прочность. Но напрасны были усилия. Вагон оказался новым. Доски крепко сбиты — молотком не выбьешь.

Мы приуныли. Совершить побег во время нашего перехода не удалось. Вся надежда была на железную дорогу. Но и здесь не повезло. Что делать? Я сидел на верхних нарах у решетки люка и вел наблюдение: нет ли охранников у вагона, не подслушивает ли кто. Вдруг мой взгляд остановился на втором люке. Честное слово, я не поверил своим глазам: с внешней стороны вагона люк оказался без решетки. Не говоря ни слова, я махом перелетел на другую сторону нар, присел на корточки и осторожно потянул крышку люка на себя. И она подалась. Забилось сердце отчаянно. Руки задрожали. Слабость вдруг наступила. Не обманулся ли я? Опять попробовал. Нет, поддается. В верхней части отогнулись гвозди, образовалась щель. Пулей вниз. К Копьеву. Так и так. Тот метнулся к люку. Попробовал рукой. Все верно.

О моем «открытии» мгновенно узнала вся эскадрилья. Мы молча сидели на нарах и, точно замороженные, не спускали глаз с крохотной дверцы, через которую можно было выйти на свободу. Николай Копьев собрал нас вокруг себя и тихо:

— Настало время обсудить план побега.

Посыпались ее всех сторон предложения. Все сходились на одном: отойдет поезд от станции — и в окно по одному. Ночь. Темнота. Прожекторов нет. Немцы не увидят.

— А как собираться в темноте будем?— поставил вопрос Копьев.— Учтите: разбредемся по одному, немцы выловят нас, как зайцев.

Наступила тишина. В самом деле, как собираться эскадрилье? Какие сигналы установить? Куда идти? Есть ли здесь лес?

— Что скажет на этот счет начальник штаба? — обратился ко мне Копьев.

Я коротко изложил свой план. Прыгать по звеньям. Четыре человека прыгнули один за другим — перерыв две минуты. Прыгает следующая группа. За полчаса вагон будет пуст. Командирам самостоятельно выводить звенья на Буг — здесь он недалеко. Идти только ночью. Ориентироваться по Полярной звезде. Сбор за Бугом в Дашевском лесу.

Копьев спросил остальных: согласны ли они с моими предложениями. Возражений не последовало. Командир подтвердил:

— Быть так, как сказал начальник штаба. От себя добавлю: звеньевым отвечать головой за каждого летчика. По дороге добывать оружие. Раненых нести на себе. Ясно?

Вмиг преобразились люди. Пропали и усталость, и боль в ранах, и голод. Хотя и предстояло совершить невероятное, хотя и знали, что кто-нибудь останется под колесами вагона или упадет, сраженный вражьей пулей, но жажда свободы была сильнее страха перед смертью.

Ваня Кайдаш разделил хлеб на двадцать пять равных частей. Каждый взял свою долю, бережно спрятал на груди под комбинезоном.

Наступили сумерки. Поезд тронулся. Мы молча сидели на нарах. И каждый думал об одном: как будем прыгать. Вряд ли у кого голова была занята другим в этот момент. Я, например, мысленно представил: сначала

просуну в люк ноги, держась руками за окно, спущусь вниз, потом оттолкнусь от стенки. Затем сожмусь в комок, втяну голову в плечи, прижму плотно к туловищу руки. Будет сильный, очень сильный удар. Меня перевернет не один раз, кубарем покачусь под откос. Потом надо будет замереть на месте, сравняться с землей пока не пройдет эшелон. А потом я встану на ноги, дам короткий сигнал товарищам, и мы пойдем в лес...

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

Прыгнули. Я — последним в нашем звене. Как и следовало ожидать, меня несколько раз перевернуло кубарем. Потом развернуло и под откос животом, аж галька зашумела под носом. Эшелон проскочил. Лежу не шевелясь. Удаляется поезд. Постепенно наступает тишина. Порядок! Пошел назад вдоль полотна дороги. Наткнулся на Ваню Кайдаша, спрашиваю:

— Цел?

— Вроде. Кости как будто на месте.

Потом нашли Николая Копьева, Андрея Коробцова. Андрей лежал пластом. Спрашиваем, в чем дело.

— Ногу подвернул.

— А ну, лезь на мою спину,— сел перед ним на корточки Копьев.— А ты,— обратился он ко мне,— веди.

И мы двинулись. Я впереди, командир с Коробцовым на горбу за мной, Ваня Кайдаш — замыкающим. Шли торопливым шагом, спешили. Надо было как можно быстрее уйти подальше от железной дороги. Пересекли кустарники, луг, наткнулись на вспаханное поле. На подошвы унтов налипли тяжелые ошметки. Свернули на межу.

Николай выдохся, опустил Андрея на землю. Чуть передохнули. Теперь я взвалил на себя Коробцова. Через километр и мне стало невмоготу. Ноги дрожат, по всему телу разлилась свинцовая тяжесть. Опять короткий привал. Кайдаш кланчит: «Дайте я понесу». Но куда ему, заморышу. Лишь

бы свои кости нес. Но Ваня есть Ваня, никогда не унывающая душа, расхрабрился:

— Вы знаете, какой я жилистый!

Ну, раз жилистый, неси. Взвалил Андрея, крихтит, задыхается, но волочет и вида не подает, что ему невыносимо тяжело. Видим: выбьется из сил парень, и его придется тащить. Да и Андрей взмолился:

— Братцы, возьмите меня под руки, нога разойдется.

Взяли мы его под руки и айда. Впереди затемнел лес. Мы — туда.

И по лесу, по лесу. Я иду впереди, раздвигаю ветки, проламываю густоту чащобы своим телом, а Копьев и Кайдаш тащат Андрея. Пора бы и остановиться, сделать привал, но Копьев торопит: никаких привалов. За ночь надо пройти как можно больше.

Поочередно меняемся — и вперед, вперед. Черт знает, откуда только силы брались. Чувство свободы гнало. Вырвались из пасти врага, от смерти ушли. Быть может, и смерть нас поджидала впереди, новые муки и пытки, но об этом мы и не думали тогда. На крыльях неслись! И все мысли были там, за линией фронта.

Рассвет застал нас на лесной поляне, около стога сена.

— Стоп! Вот здесь и сделаем передых,— сказал Копьев.

— Товарищ командир, может, еще несколько пройдем вперед до восхода солнца,— стал упрашивать Ваня Кайдаш.

Командир посмотрел на него снисходительно, и первый раз я заметил на его лице улыбку:

— Эх ты, едрена-феня. Ведь вымотался, еле держишься на ногах.

Ваня удивленно вскинул брови:

— Кто, я?.. Да я, знаешь...

Мы сделали в стоге сена дыру, поели хлеб. На востоке все ярче разгоралась заря. В лесу было тихо. Пахло сыростью, смолой, землей, прелым листом, от стога — сухими травами. И такими родными, милыми показались мне эти запахи и так жадно вдыхал я их полной грудью, что сердце замирало. Вот

что такое побывать в неволе! Даже простому чистому воздуху и то радуешься. И заре. И небу.

— Спать! — коротко приказал Копьев.

Мы помогли Андрею Коробцову забраться в дыру, сами заползли за ним.

Я долго лежал с открытыми глазами. Убежали все-таки, черт возьми. Убежали! Выручил случай, люк в вагоне. А случай ли? Если бы у нас не было неистребимой воли к свободе, вряд ли мы вырвались бы на волю. Но ведь, думал я, и у птахи, попавшей в клетку, есть тоже яга к свободе. Однако же она ждет момента, когда человек оставит дверцу открытой, чтобы вылететь. А мы не ждали. Мы сразу, как только сели в вагон, принялись шнырять по всем углам. И я заметил, что нет решетки на втором люке, не случайно, а потому что искал. И план побега родился сразу тоже не случайно. И все до единого решили прыгать через люк тоже не случайно. Так что же помогло нам за каких-то тридцать минут оставить вагон пустым?

Сплоченность!

Организованность

! Вера в себя, в товарищей.

Я заснул с этими мыслями, а проснулся от фыркания лошадей, от шагов вокруг стога. Все! Конец. Нас окружили полицаи. Замер, похолодел. Вижу, и друзья мои проснулись, прислушиваются.

— Я ж тебе кажу, що тут хто-то сховався. Бачишь, дирка?— произнес певучий украинский голос.

— Яка дирка? — спросил второй.

— Та ось, разуй очи.

— Крестьяне,— шепнул мне Копьев.— Есть смысл выйти, выспросить о немцах, узнать, далеко ли фронт... А ну, Ваня, отзовись.

— Люди добры, не бойтесь, это я — чоловик,— подал голос Кайдаш.

— Коли чоловик, виходь, подывимося.

Кайдаш, работая руками, разгреб сено и вылез на свет. У стога стояли два мужика и лошади, запряженные в телеги.

— Здравствуйте, люди добрые!

— Здорово був. Ты хто?
— Летчик.
— Летчик?.. Ты як сюда попал?
— Со сбитого советского самолета.

— Немцы сбили? Вот скажени тварюки. Бэри тютюн. Закуримо.

— Это можно... В Тульчине много немцев?

— Комендатура, карательный отряд, склады.

— Линия фронта далеко?

— Та мабудь будэ километров сто з гаком.

— А партизаны?

— Кругом партизаны, — неопределенно ответил украинец.

— Как к ним добратсья?

— Та треба идти за Буг, в Дашевский лес. По дороге не ходить — гуляют патрули...

— Поесть у вас что-нибудь найдется?

— Хома, виддай хлиб, сало. Мы и так обойдэмося. За сином приихалы...

— Спасибо.

— Ни за що. Для своего радяньского чоловика не жалко и последнего.

— Я тут не один, с друзьями. Вылазьте, други!..

Мужики с опаской поглядывали на пас, обросших, худых, в рваном обмундировании.

Оба крестьянина положили вилы на телегу, подошли к нам и поздоровались за руку. Один мужик, заметив, что Андрей хромает, с участием спросил:

— Що, раненый?

— Правую ногу подвихнул.

Крестьянин с сочувствием посмотрел на Коробцова и обратился к своему товарищу:

— Хома, можэ Гнидка виддамо? Як же льотчык дийдэ до партизан?

— Спасибо. Лошадь нам не нужна. Мы как-нибудь до партизан доберемсья,— сказал Николай Копьев.

— Дило вашэ. Тильки на Гнидкови было бы спидручниш. Коня потим пэрэправыв б.

— Лучше табачку дайте. Давно не курили.

— Цэ можно,— и крестьянин охотно отдал кисет с табаком, клочок газетной бумаги, кресало с кремнем и ватный фитиль, скрученный в жгут.

— Верить, берить. Пригодяться. Ничим же будэ и прыкуруты. Та и огонь развесты,— сказал он.— А день треба пэрэсыдить в стижку. А идти ночью...

Крестьяне наложили возы сена и уехали.

— Не «продадут» нас мужики?— спросил Костин.

— Нет, трудовые люди никогда не выдадут,— уверенно ответил Копьев.

Ради осторожности лучше все-таки уйти с этого места в лес, и мы двинулись в путь. Шли по лесу весь день. У Коробцова боль в ноге утихла. Он отказался от нашей помощи и сам, прихрамывая, тащился сзади.

К вечеру слышали стук топора. Он то умолкал, то снова начинал частить. Командир эскадрильи, сидя на пне и прислушиваясь к этому прерывистому звуку, сказал:

— Кто-то ворует лес.

— Кто же может воровать? У кого? У себя же,— возразил Ваня Кайдаш.

— А вот мы сейчас посмотрим... Раздвигая кусты, осторожно, след в след двинулись па стук. Сначала увидели пегую лошадь, впряженную в телегу, потом — спину хозяина. Стоя на коленях, крестьянин рубил под корень дерево.

В тот момент, когда он перестал рубить и, оглядываясь по сторонам, прислушался к тишине, Андрей Коробцов зацепил больной йогой за сухую хворостину и упал. Крестьянин вскочил на ноги, бросил топор; птицей взлетел на лошадь и с места взял в карьер по просеке.

Мы подняли топор. Ваня Кайдаш заткнул его за ремень и, улыбнувшись, сказал:

— Все, теперь мы вооружены до зубов!

Как потом выяснилось, Копьев оказался прав. Крестьяне окрестных сел

вынуждены были воровать лес. Вокруг Тульчиин немцы отдали его одному эсэсовскому генералу за особые заслуги в борьбе с партизанами...

Шли и первую половину ночи. Ели хлеб, шиповник, снег. В первом часу наткнулись на деревушку. Десятка два хат стояло вдоль небольшой речушки. В крайней хате тускло мерцал огонек. Мы очень устали. Невыносимо хотелось есть, клонило ко сну.

Я сказал Копьеву:

— Может, осмотреться вокруг да и подойти к избушке, заглянуть в окно? Если нет немцев, постучать.

Командир эскадрильи молча кивнул головой! Я сделал шаг. Кайдаш схватил меня за руку:

— На всякий случай топор возьми. Чего доброго, пригодится.

Я осторожно подошел к хате, припал головой к стеклу. На столе горела лучина, воткнутая в бутылку. Свет падал на прялку, за которой сидела женщина средних лет.

На кровати спал мальчик. Я отошел от окна, постучал в дверь. Вскоре послышался голос:

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста.

— Кто это?

— Свои.

После трех-четырех вопросов женщина открыла дверь.

Впервые за месяц в мое лицо ударило тепло. Я почувствовал запах хлеба, молока, запах крестьянской избы, такой приятный и знакомый до боли в сердце.

Женщина в белом платке с тревогой смотрела на меня, обросшего человека, в рваном комбинезоне и мохнатых унтах.

— Ты кто?— спросила она.

Хитрить было нечего. Я рассказал, кто и зачем пришел. Вдобавок сообщил, что я не один.

— Пустить не могу. Уходите. Узнают немцы, хату спалят и меня повесят на первой березе.

Я стал уговаривать ее:

— Но хотя бы до рассвета обо-

греться, часок уснуть. А потом мы пойдем.

Хозяйка долго думала, привалившись плечом к печке.

— Ладно, зови остальных,— наконец решила она. — Только уговор: до рассвета уйти. Мой мальчишка покажет вам дорогу в село Сорокодубы. Там есть партизаны...

Когда вошли остальные, женщина занавесила мешковиной окна, достала из-под пола хлеб, поставила на стол большую крынку молока.

— Сидайте за стол. Кушайте, — уже гостеприимно пригласила хозяйка.

Ваня Кайдаш и здесь не забыл своих обязанностей старшины. Разложил ломти хлеба на четыре кучки, налил молока в стаканы.

Ели быстро, с жадностью...

За час до рассвета женщина разбудила нас. Горела лучина на столе. Мальчик лет тринадцати, в старой шапченке, не по плечу большой куртке стоял у стола и пытливыми глазами смотрел на авиаторов. Крестьянка подала буханку хлеба Николаю Копьеву и сказала:

— Мой сын выведет вас на тропинку. По ней напрямик до Буга пять верст. Там вам любой человек укажет дорогу к партизанам. Только не попадитесь на глаза извергу старосте села Жердицкому Петру Петровичу. Увидит, сразу даст знать немцам.

Женщина перекрестила нас и обратилась к своему сыну:

— Васька, веди...

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

На рассвете переправились через Буг. Впереди показалось село. Безмолвно стояли хаты. Мертвы улицы. Ни звука, ни шороха. Как непохоже это было на счастливую, кипучую жизнь до войны, когда колхозные села начинали свой трудовой день на утренней зорьке! Теперь крестьяне, видимо, жили лишь сегодняшним днем. Да и незачем было рано вставать, некому было давать корм: коров, лошадей, кур, свиней забрал враг.

Минуя огороды, мы дошли до середины села. Вдруг в глубине одного из дворов закрипели ворота. Сгорбленная фигура старика направилась к хлеву и скрылась в нем.

Мы спрятались за плетень. Николай Копьев сказал:

— Ваня, дойди до старика, узнай обстановку. Спроси, не согласится ли он довести нас до партизан.

Кайдаш перелез через изгородь, остановился у хлева. Вскоре он вернулся радостный:

— Полнейший порядок. К вечеру в село вернутся с оперативного задания партизаны. Старина охотно согласился спрятать нас в своем доме.

— А кто он?— пытливо спросил Копьев.

— Колхозник. Видать, человек верный,— ответил Ваня Кайдаш.

— Что будем делать?— обратился Копьев ко мне и Коробцову.

— Дальше идти я не могу. Надо воспользоваться приглашением,— сказал Андрей Коробцов.

А старик уже сам подходил к нам.

— Здорово, хлопцы!

— Здравствуйте, отец.

Он подал всем руку, крепко пожал.

— Не бойтесь. У нас нет фашистов. Изредка наведываются из райгорода. Если появятся сегодня, я вас схоплю.

Копьев медлил с ответом. Мы испытующе смотрели на старика, который приветливо улыбался. Но он, видимо, поймал на себе недоверчивые взгляды. Лицо его сразу стало строгим:

— Да вы не сомневайтесь, не выдам вас, а разведу по хатам к верным людям,— сказал он твердым голосом.

Эти слова, видимо, рассеяли подозрения командира эскадрильи.

— Веди, отец! — решительно бросил Копьев.

В просторной избе у печи хлопотала старуха. Увидев незнакомых, оборванных людей, она перестала разжигать печь и с испугом смотрела своими выцветшими глазами на нас.

На лавке у стены сидела молодая женщина и месила тесто в квашне. В кровати беззаботно спал ребенок.

— Сидайте, товарищи,— сказал старик, указывая на стулья.

— Не бойся, мать. Это наши летчики,— обратился он к своей жене,— из плена бежали.

— Родненькие! Сколько мучений приняли! У нас вот тоже в армии сынок. Как фашисты пришли сюда, так с тех пор мы о нем ничего и не знаем. Жив ли наш Феденька?

Старуха заморгала глазами, сморщилась. По ее впалым щекам потекли слезы.

То, что ее сын служил в Советской Армии, успокоило нас. Мы облегченно вздохнули, сняли шлемы, сели на стулья, но в душе еще таилась настороженность.

Старик искоса поглядывал в окно, у которого сидел, начал рассказывать, что село, несмотря на жесточайший режим, живет по законам Советской власти, что и колхоз втайне существует: под видом помощи друг другу люди работают сообща.

Вначале стали соединяться в звенья по пять-шесть человек, потом — в бригады. И посеяли хлеб вместе, и убрали вместе.

Рассказ хозяина окончательно расположил нас к нему. Ваня Кайдаш почувствовал себя как дома: расстегнул комбинезон, снял унты, сел на лежанку, грея затекшие ноги у теплой печи. Николай Копьев доверчиво слушал старика. Андрей Коробцов гладил кошку.

Я же относился к крестьянину с некоторым недоверием. Мне не нравились словоохотливость и маленькие, сверкающие из-под нависших седых бровей глазки хозяина. Казалось, что старик кого-то ждет, кому-то хочет подать сигнал. И верно, вскоре он встрепнулся, осторожно постучал худыми длинными пальцами по стеклу и махнул рукой.

В хату вошел высокий мужчина средних лет.

— Здоровы булы! — густым басом сказал он.

— Это Золотницкий — бывший председатель сельсовета,— познакомил нас старик.

— Иван Васильевич, этих товарищей летчиков надо развести по хатам, спрятать до прихода партизан. Бери одного. По дороге скажи Гуре Ивановичу, Адольфу Людвиговичу — пусть зайдут ко мне. Кто из вас пойдет к Ивану Васильевичу?

— Я, — отозвался Ваня Кайдаш и быстро засунул ноги в унты.

Мне так и хотелось крикнуть: «Не ходи»,— но было уже поздно: Золотницкий и Кайдаш вышли за дверь.

Я посмотрел на Николая Копьева, который по-прежнему беззаботно слушал рассказ старика. «Неужели ты не видишь, что мы попали в ловушку? Разведут по одному, свяжут, сообщат немецкой комендатуре, и делу конец»,— подумал я.

Не прошло и часа, как к дому подъехала крытая брезентом автомашина.

— Немцы! — крикнул старик, подскочил к печи, открыл доски подполья.

— Лезьте, быстро!

Мы один за другим прыгнули в темную дыру и затихли. Забарабанили в окно, и кто-то неприятно пискливым голосом произнес на улице:

— Староста! На выход! Господин комендант ждет.

— Иду, иду! — слышался голос старика.

Хлопнула дверь.

— Все! Сами попали в руки к извергу Жердицкому,— скрипя зубами и тяжело дыша, прошептал я.

— Ты думаешь, староста предатель? — вполголоса спросил Копьев.

— Неужели ты не видишь? — с горечью произнес я.

Машина, урча мотором, отъехала от дома.

— Бежать! Немедленно бежать! Слышишь? — торопил я командира эскадрильи.

— Сиди!.. Надо подумать, быть всем наготове.

Через полчаса слышались шаги, покашливание старика. Хлопнула дверь.

— Выходите, хлопцы,— наклонившись к дыре, произнес он.

Поднялись в комнату. Старик, ласково прищутив свои маленькие глазки, гладил бороду.

— Что, испугались? Это немцы за курями приезжали. Последних забрали и подались в райгород.

Я шагнул к старосте:

— Скажи отец, кто ты?

— Я коммунист. Для связи с партизанами у нас в селе оставлена подпольная группа.

Услышать об этом было большой радостью для нас.

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

Из крохотного окна землянки падала узкая полоска света на длинный дощатый пол. За столом сидел командир партизанской бригады Лютов — человек лет сорока пяти, чисто выбритый, в простенькой шапке-ушанке и потертом овчинном полушубке. Напротив него — Копьев, Коробцов, Ваня Кайдаш и я.

Лютов, не отрывая глаз от карты, спросил:

— Значит, остальные летчики должны быть в этом районе?

Он провел карандашом две линии строго на север от железнодорожного перегона Вапнярка — Журавлевка до извилистой голубой жилки Буга.

— Здесь,— ответил я.

Командир бригады поднял голову, внимательно посмотрел своими серыми, умными глазами на нас и сказал:

— Ну, что ж! Организуем поиски. Думаю, найдем всех. А вы сейчас, товарищи, отдохайте, набирайтесь сил. Сидоренко!

— Я,— поднялся с нар молодой парень, поправил съехавшую на ухо шапку.

— Отведи их к Доре Ефимовне. Пусть накормит. Вот с жильем у нас туговато. Где же вас пристроить?.. Ведите в землянку к Гале Грушковской. Пока она на задании, летчики отдохнут, а потом построят себе жилье.

— Оружие бы нам, товарищ

комбриг,— выпалил Ваня Кайдаш.

— Оружие! — засмеялся командир бригады. И вдруг стал серьезным.— Подумаем. Мы вас как следует не знаем. Поживете у нас, дадите партизанскую клятву. Ясно?

Землянка Галины Грушковской оказалась самой маленькой. И если бы не узкий вход, ведущий вниз, вмазанное единственное стекло да на бугорке ведро без дна вместо трубы, можно было бы и не заметить, что здесь человеческое жильё.

Сидоренко открыл толстую дверь и, пригнув голову, шагнул через порог. За ним вошли остальные. В полумраке я разглядел стены, заботливо оклеенные газетами, посередине небольшую, побеленную известью железную печь, в углу топчан, накрытый ватным одеялом, вделанную в стену доску вместо столика, на которой стояли зеркальце, коробка с пудрой «Красная Москва», пустой флакон из-под духов, губная помада.

Ваня Кайдаш с удивлением посмотрел на столик с парфюмерией и обратился к молодому партизану:

— Послушай, дорогой. Кто такая Грушковская?

Сидоренко сердито ответил:

— Много знать будешь, скоро состаришься. Понял?.. Лучше сходи в лес, набери дров и поменьше задавай вопросов.

— Давай, Иван,— кивнул ему Копьев.

Вытопили печь. В землянке стало тепло. Это тепло, обед и вдруг нахлынувший покой разморили нас. Вытянув руки, мы стояли вокруг печки и дремали. Но не только прилечь, а и сесть было не на что. Кайдаш, позевывая, посмотрел на топчан с мягкой подушкой и теплым одеялом, на парфюмерный столик Гали Грушковской.

Я тихо спросил старшину эскадрильи:

— О чем думаешь, Ванек?

Кайдаш вздохнул и вполголоса сказал:

— Я думал о том, что вот война, страшная война, люди гибнут, как мухи,

а молодой человек и на войне, в этом аду, остается молодым. Видишь столик? Должно быть, хозяйка этих принадлежностей косметики кого-то любит и ее любят. И, наверное, она красивая.

— А ты думал там, в плену, о любви?

— Думал. Не раз вспоминал свою Галинку.

— Где она?

— Нет ее больше. Под бомбежку эшелон попал,— тяжело вздохнул Ваня Кайдаш и затих.

...Партизаны нашли всех летчиков. Лютов вызвал в свою землянку Копьева и меня, усадил и сказал:

— Извините, что мы вас немного подержали в землянке. Теперь все ясно, кто вы... Принято решение: из вашей эскадрильи организовать партизанский отряд «За Родину». Комиссаром отряда назначаю вас, товарищ Копьев. Командиром — вас, товарищ Костин.

Оба встали по стойке «смирно».

— В пополнение даю вам из другого отряда 22 опытных партизана. Формирование закончить сегодня. Вечером — клятва. Завтра получите первое боевое задание. Все, можете идти.

Мы отдали честь, повернулись и вышли из землянки. Нет. Ни ужасные страдания и побои, ни унижения и оскорбления, ни раны, ни холод и голод не сломили в нас воинского духа. Теперь мы снова, почувствовали себя в своей родной среде, на своем месте. Не хватало лишь самолетов, и о них думал каждый: в воздух бы теперь!

Получив автомат, Ваня Кайдаш выскочил из землянки, отбежал в лесок и припал губами к холодной вороненой стали.

— Вы что здесь делаете? — раздался сзади чей-то голос.

Кайдаш оглянулся. В трех шагах от него у елки стояла девушка в короткой меховой шубке, коричневой цигейковой шапочке, надвинутой набок, в легких белых чesанках. Ваню удивила ее необыкновенная красота. Из-под черных изогнутых бровей мягко и нежно

смотрели большие темные глаза. Высокий белый лоб, удивительно правильный прямой нос, небольшие яркие губы, ямочка на подбородке, легкий румянец на щеках. Кайдаш растерялся.

— Ну, что же вы молчите? — повторила девушка, и чуть заметная улыбка тронула её губы.

— ...Я ...Я хочу проверить, метко ли бьет мой автомат,— ответил Кайдаш.

— В лесу стрелять, а тем более здесь, в расположении партизанской базы, строго запрещается. За это вас могут отдать под суд.

— Да я пошутил...

— Ну все равно учтите.

И девушка решительно направилась к землянкам. Пройдя шагов десять, она оглянулась. Кайдаш стоял посередине лесной полянки и, не спуская глаз, смотрел ей вслед.

— Это она! — подойдя ко мне, сказал он.

Да, это была она — отважная разведчица Галина Грушковская. Она ездила в Винницу и другие города и привозила оттуда ценные сведения о противнике, которые передавались по радио в штаб Второго Украинского фронта.

...Партизанский отряд «За Родину» получил приказ взорвать фашистский эшелон с танками на станции Жорница. Летчики ночью окружили вокзал. У платформы и вагонов завязалась перестрелка с охраной. Немцы, оттесненные от железнодорожного состава, укрылись за будкой стрелочника и вели оттуда огонь из автоматов. Ваня Кайдаш и Андрей Коробцов подползли к будке и забросали ее гранатами.

Казалось, все уже кончено. Охрана уничтожена. Наступила тишина. Партизаны подкладывали под вагоны и под платформу взрывчатку. Но вдруг открылся люк одного танка, в темноте сверкнул короткий кинжал огня, и Ваня Кайдаш упал как подкошенный.

Андрей Коробцов короткой автоматной очередью срезал фашиста. Затем он взвалил на спину погибшего

друга и, спотыкаясь в темноте, что есть силы побежал прочь от железнодорожного полотна. Вскоре сильный взрыв потряс землю. Над станцией Жорница взметнулось пламя...

На рассвете мы принесли мертвого старшину эскадрильи в село Городище. Крестьяне вырыли на окраине могилу, а партизаны опустили в нее гроб с телом Вани Кайдаша. Молча простились с ним. Через несколько минут вырос холмик из свежей земли.

...Линия фронта приближалась к Дашевскому лесу. 13 марта 1944 года партизанам стало известно, что войска Второго Украинского фронта начинают очередное большое наступление. Комбриг вызвал в свою землянку Копьева и меня, передал приказание: отряду «За Родину» закрыть дорогу частям отступающей гитлеровской армии на участке Гайсин—Брацлав.

На рассвете 14 марта наш отряд засел по обе стороны дороги у моста через небольшую полноводную реку. Было необыкновенно тихо.

Я, прижимаясь к сырой, холодной мартовской земле, беспокойно поглядывал на восток и нетерпеливо ждал начала.

Вдруг небо на востоке, насколько мог охватить глаз, озарилось огненными отблесками. Задрожала земля. Послышался мощный, раскатистый гул, как будто заработала гигантская машина, для того, чтобы с новой, невиданной силой обрушиться на врага, навсегда очистить советскую землю от фашистской нечисти.

Началось!

Вскоре из-за поворота показалась легковая штабная машина. Не сбавляя хода, она проскочила мост и с маху врезалась передними колесами в глубокий и широкий ров, вырытый партизанами. Облако дыма и пара поднялось над ней. Когда, оно рассеялось, я увидел торчащую заднюю часть кабины. «Опель» словно рыл носом землю и наполовину ушел в нее. Из открытой дверцы показалась голова в генеральской фуражке, и тотчас же

справа из-под куста раздалась автоматная очередь, и все стихло.

Вслед за «оппелем» на мост высочили две грузовые автомашины с гитлеровцами. По их виду я понял, что на передовой произошла страшная паника. Многие фашисты, поднятые с постелей неожиданным наступлением советских войск, вскочили в машины кто в чем был. Грузовики с треском и скрежетом врезались в опрокинутый «оппель». Душераздирающие крики гитлеровцев потонули в громких взрывах гранат и дружных оружейных залпах.

Через несколько минут мост вспыхнул. Языки пламени неистово лизали кабины и кузова. Начали рваться бензобаки. Над рекой поднялся высокий столб черного клубящегося дыма.

А партизаны, не жалея боеприпасов, били и били по клокочущей огневой полосе, прошивая очередями мост от правого до левого берега.

С восточной стороны нарастал мощный гул и грохот. И вдруг на левом берегу показались краснозвездные танки. Затормозив, они как бы в нерешительности остановились у моста, увидев перед собой груды тлеющих фашистских машин. Кто-то из летчиков выскочил на насыпь шоссе и, размахивая шлемом над головой, закричал что есть силы срывающимся хриплым голосом:

— Товарищи!

И из кустов, завалов, кюветов ринулись партизаны к мосту. Открылись люки танков. К берегу побежали танкисты, из лесу показались пехотинцы... Кто-то из смельчаков-партизан уже пробирался по мосту, перепрыгивая через изуродованные, еще дымящиеся вражеские машины.

Из-за леса поднималось солнце, заливая ярким золотистым светом деревья, подернутую легкой пеленой тумана реку, черный, обугленный и забитый до отказа машинами мост, машущих людей...

Через несколько дней, простившись с партизанами, мы, авиаторы, предстали перед начальником штаба тыла Второго Украинского фронта. Тот принял

нас, выслушал и отдал приказание на самолетах доставить в родные полки.

* * *

Вот, собственно, и вся история, рассказанная полковником в отставке Костиным и записанная мною в пяти ученических тетрадах. Я бережно храню эти тетради. И когда приходят ко мне товарищи и начинается разговор о характере советского человека, верности его Отечеству, я достаю их из стола.

— Прочтите, и вы поймете, в чем сила советского человека, какую непреклонную стойкость может проявить он в годы самых тяжелых испытаний, если закален и беспредельно любит родную землю.